

— И это всё? — его слова повисли в воздухе.

На том конце линии на миг воцарилась тишина. Затем послышался тихий смешок Шэнь И:

— А ты сообразительный.

В глазах Цзянь Шанвэня мелькнула лисья хитринка, но голос его по-прежнему оставался мягким и учтивым:

— Вы мне льстите.

Шэнь И лениво спросил:

— Хочешь просто попасть в команду?

Цзянь Шанвэнь и не думал скрывать своих амбиций.

— Я хочу главную роль.

Шэнь И равнодушно хмыкнул:

— Размечтался.

Но Цзянь Шанвэнь вовсе не спешил отступить. Он лишь улыбнулся уголками губ:

— До прослушивания ещё далеко. Почему бы и не помечтать? Кто знает... может, однажды режиссёр Шэнь сам будет умолять меня сняться в его фильме.

В глубоком голосе Шэнь И, растворяющемся в ночной тишине, послышалась усмешка:

— А уверенности в себе тебе не занимать. Не боишься, что от таких громких слов поясницу прихватит?

Это не звучало как насмешка — скорее как констатация факта.

В индустрии попасть в съёмочную группу Шэнь И было почти невозможно. Бесчисленные люди рвались туда любой ценой, задействуя все связи, лишь бы урвать хоть крошечную роль — одно только участие уже добавляло имени золотой блеск.

А режиссёр Шэнь, ко всему прочему, выбирал актёров с пугающей придирчивостью. Сказать, что он искал одного на десять тысяч, — не было преувеличением.

Прислонившись к окну, Цзянь Шанвэнь говорил расслабленно и лениво; его голос, лёгкий, как вечерний ветер, будто касался самого сердца.

На губах играла слабая улыбка.

— Просто я уверен во вкусе режиссёра Шэня.

Разумеется, он прекрасно понимал, насколько это трудно. Шэнь И не из тех, кто станет смотреть на него иначе лишь из-за пары удачных комплиментов.

Но выйдет у него или нет — неважно.

Главное — оставить в памяти Шэнь И этот запрос, впечатать своё имя. Тогда, сколько бы

кандидатов ни было перед ним в будущем, в момент выбора режиссёр хотя бы вспомнит о нём.

И этого уже достаточно.

Как и ожидалось, Шэнь И неторопливо произнёс, не выдавая ни единой эмоции:

— Одними красивыми речами в мою команду не попасть.

Улыбка Цзянь Шанвэня стала глубже.

— Разумеется.

То, чего он хотел, он всегда получал — шаг за шагом. Да, этот путь никогда не был лёгким... Впрочем, разве в его жизни хоть что-то доставалось легко?

Ночь становилась всё темнее.

После того как звонок завершился и вопрос с оплатой лечения старика был наконец решён, тяжёлый камень на сердце Цзянь Шанвэня заметно полегчал. Однако в глубине глаз, скрытых ночной тенью, по-прежнему таилась холодная задумчивость.

Ухудшение состояния старика... действительно ли это было случайностью?

Он вспомнил угрозу, которую услышал прошлой ночью в комнате Лян Шэня.

Больница...

Цзянь Шанвэнь никогда не недооценивал влияние и власть семьи Лян. Если Лян Шэнь действительно захотел бы что-то сделать, он бы не оставил ни малейшего следа.

Подумав об этом, Цзянь Шанвэнь бросил взгляд на освещённое окно одной из спален на третьем этаже и долго смотрел туда в молчании.

Раз вы поступаете со мной безжалостно...

...Не вините меня потом за то, что я отвечу тем же.

Персонал виллы начал постепенно расходиться.

Вскоре в дверь одной из комнат на третьем этаже постучали.

Прошло немало времени, прежде чем дверь наконец открылась.

Фу Цзиньчэн посмотрел на стоящего снаружи человека — сначала в его глазах мелькнуло удивление, а затем он нахмурился:

— Зачем пришёл?

Цзянь Шанвэнь стоял в коридоре с аптечкой в руках. Свет лампы мягко ложился на его фигуру, делая его спокойный и тёплый облик ещё мягче.

Он улыбнулся:

— Я подумал, после душа тебе наверняка нужно сменить повязку. Доктора сейчас здесь нет, так что я решил зайти и проверить.

Фу Цзиньчэн посмотрел на него сверху вниз и холодно отрезал:

— Не нужно.

Улыбка Цзянь Шанвэня не дрогнула.

— Если в рану попала вода и её не обработать, может начаться воспаление. Завтра ведь ещё съёмки. Или господин Фу хочет остаться здесь залечивать травму?

Как и ожидалось, Фу Цзиньчэн нахмурился ещё сильнее, но всё же развернулся и бросил:

— Закрой дверь.

Будто боялся, что кто-нибудь узнает о том, что Цзянь Шанвэнь находится у него в комнате.

Цзянь Шанвэнь лишь тихо усмехнулся и ничего не сказал. Войдя внутрь, он закрыл дверь за собой.

Комнату трудно было назвать нормальной. Съёмочная группа, похоже, всерьёз решила помучить этих избалованных наследников: старый скрипучий пол, прогнившие оконные рамы, а из мебели — только древний стул, на который страшно было садиться.

Хотя господин Фу со своей брезгливостью всё равно бы на него не сел.

И действительно.

Фу Цзиньчэн сразу устроился на краю кровати. Его высокий, красивый силуэт в этом убогом помещении выглядел настолько неуместно, словно принадлежал совершенно другому миру.

Цзянь Шанвэнь подошёл ближе и принялся менять повязку. Его движения были осторожными и внимательными; даже снимая старую марлю, он намеренно действовал как можно мягче. Тусклый свет комнаты ложился на его плечи, подчёркивая сосредоточенное выражение лица и ту особенную, тихую нежность, что невольно сквозила в каждом жесте.

Фу Цзиньчэн вдруг вспомнил один давний год — ещё во времена старого особняка.

Тогда он сильно заболел и пролежал с температурой всю ночь. А проснувшись утром, увидел сидящего у кровати Цзянь Шанвэня, который как раз менял у него на лбу холодное полотенце.

«Доктор сказал, так тебе станет легче.» — с улыбкой произнёс тот.

Одежда на нём всё ещё была аккуратной и не помятой — похоже, он так и не сомкнул глаз за всю ночь.

Фу Цзиньчэн тогда подумал именно так. И именно после того случая он начал постепенно брать Цзянь Шанвэня с собой, перестав держать его исключительно дома.

Жаль только, что стоило дать ему немного свободы — и тот перестал быть таким покладистым.

Как и ожидалось... просто давно не получал хорошей взбучки.

Взгляд Фу Цзиньчэна потемнел.

Наверное, за последние два года Цзянь Шанвэнь наконец вдоволь нахлебался жизни и понял, что без него хороших дней ему не видать. Вот и пришёл теперь заискивать.

Он отвёл взгляд и холодно произнёс:

— Днём что-то я не заметил такой заботы.

Руки Цзянь Шанвэня на миг замерли. Подняв глаза, он тихо вздохнул. Его красивые персиковые глаза блеснули живо и чуть обиженно — почти капризно.

— Я тогда и сам перепугался...

Фу Цзиньчэн замолчал.

На самом деле уже одного того, что днём Цзянь Шанвэнь осмелился у него на глазах заговорить о каком-то «новом парне», а потом ещё и демонстративно льнул к Ло Чжие, хватило, чтобы задеть его предел терпения.

Никто и никогда не позволял себе разговаривать с ним подобным образом.

Он твёрдо решил, что обязательно приведёт этого человека в чувство.

Но сейчас, когда Цзянь Шанвэнь сидел перед ним так близко, непонятно почему, большая часть раздражения вдруг бесследно рассеялась.

— И потом... — Цзянь Шанвэнь лукаво улыбнулся. — Я боялся, что если подойду слишком близко, ты опять обвинишь меня в том, что я заставляю людей неправильно понимать наши отношения.

Взгляд Фу Цзиньчэна похолодел ещё сильнее. Он усмехнулся:

— Поэтому ты решил соблазнять Ло Чжие?

Цзянь Шанвэнь выглядел совершенно невинно.

— Но днём ты ведь так меня ненавидел. Я подумал, что тебе даже смотреть на меня неприятно. К тому же... разве я посмел бы соблазнять Ло Чжие? У него же есть Сюй Ян.

Только после этих слов раздражение Фу Цзиньчэна наконец немного улеглось.

Он равнодушно произнёс:

— Хорошо хоть тебе хватает здравого смысла. Все гости здесь — люди с положением и статусом. Никто не поведётся лишь на твоё лицо. Насколько я помню, тот старик всё ещё в больнице. Если будешь вести себя как следует, я обеспечу ему хороших врачей.

Наконец-то разговор подошёл к сути.

Если бы он не заговорил об этом сам, Цзянь Шанвэнь уже начал бы терять терпение.

Прежний Цзянь Шанвэнь, возможно, и правда на этом бы остановился.

Но теперь он прекрасно понимал: пока право решать его судьбу находится в чужих руках, он никогда не сможет спать спокойно.

Лян Шэнь хотел выкупить больницу.

У Цзянь Шанвэня не было ни денег, ни возможностей, чтобы бороться с ним в открытую или помешать.

Но...

Что, если столкнуть его с кем-то равным по силе?

— Правда? — глаза Цзянь Шанвэня изогнулись в улыбке. Свет лампы мягко ложился на его плечи, а в прекрасных персиковых глазах будто плескалась весенняя вода — чарующая, опасная, почти нечеловечески притягательная. — Но если не попробовать... как можно быть уверенным?

С самого детства Цзянь Шанвэнь знал, что красив.

Когда-то он ненавидел своё лицо.

В самые отчаянные моменты ему даже приходила в голову мысль изуродовать себя. Тогда ему казалось: если он перестанет быть красивым, они, возможно, наконец оставят его в покое.

Но лишь перед самой смертью он понял — наказывать самого себя бесполезно.

Теперь же... он вдруг обнаружил, что это лицо может быть весьма полезным.

Цзянь Шанвэнь тихо усмехнулся.

Стоит ему захотеть — и оно станет его оружием.

И действительно.

Взгляд Фу Цзиньчэна мгновенно стал острым и холодным. В голосе прозвучало предупреждение:

— Советую тебе не переоценивать себя. Не забывай, кто ты такой. Иначе... сам знаешь последствия.

Его слова резали без малейшей жалости, а тёмное раздражение внутри постепенно поднимало голову.

Цзянь Шанвэнь послушно кивнул:

— Знаю.

В нём словно жила странная способность — одним словом разжигать в людях гнев. Но стоило ему смягчиться, склонить голову и покорно признать вину, как Фу Цзиньчэн неожиданно терял желание продолжать злиться.

В комнате снова воцарилась тишина.

Цзянь Шанвэнь быстро закончил с перевязкой и, собирая вещи, сказал:

— Я налью тебе воды. Если ночью захочется пить — будет под рукой.

Фу Цзиньчэн ничего не ответил, позволяя ему делать что угодно.

Лишь закончив всё, Цзянь Шанвэнь взял аптечку и с мягкой улыбкой произнёс:

— Всё, я пойду. Увидимся завтра.

Стоя в полумраке комнаты, он выглядел тихим, ласковым и удивительно домашним. Со стороны можно было подумать, будто человек у кровати — весь его мир, и он искренне к нему привязан.

Дверь снова закрылась, но уже с другой стороны.

Улыбка на лице Цзянь Шанвэня медленно исчезла.

Вот.

У него получилось.

Не зря же днём он специально попросил у врача аптечку — именно ради этого визита, чтобы ненавязчиво напомнить о себе Фу Цзиньчэну.

А теперь...

Спускаясь с третьего этажа обратно на второй, Цзянь Шанвэнь намеренно шёл медленно. Было уже около десяти вечера; в доме почти никого не осталось, а остальные участники давно разошлись по своим комнатам отдыхать.

Но на первом этаже, внизу лестницы, Цзянь Шанвэнь наконец увидел человека, которого ждал.

Лян Шэнь стоял, прислонившись к окну у лестницы. На нём была простая белая рубашка и очки в тонкой золотой оправе; в мягком свете он выглядел утончённым, интеллигентным, почти слишком благородным для этого места. Ветер слегка трепал полы его рубашки — со стороны можно было принять его за художника, приехавшего сюда ради вдохновения.

Цзянь Шанвэнь молча смотрел на него несколько секунд.

Почувствовав взгляд, Лян Шэнь обернулся. Он чуть наклонил голову, спокойно давая понять, чтобы Цзянь Шанвэнь подошёл.

Без приказа.

Без давления.

Но оба прекрасно знали: Цзянь Шанвэнь не посмеет отказаться.

И действительно.

Человек наверху медленно спустился вниз. Однако не успел он открыть рот, как Лян Шэнь уже схватил его за руку и увёл в самую дальнюю часть здания — на кухню, куда обычно никто не

заходил.

Спина Цзянь Шанвэня ударилась о стену.

Больно.

Он поднял глаза:

— Что ты творишь?

Взгляд Лян Шэня был прикован к аптечке в его руках. Тот мягко улыбнулся:

— Скажи мне, малыш... зачем ты ходил к Фу Цзиньчэну?

Перед тем как отправиться в комнату Фу Цзиньчэна, Цзянь Шанвэнь специально прошёл мимо двери Лян Шэня. Он двигался тихо, почти бесшумно, но Лян Шэнь был слишком внимателен для того, чтобы не заметить.

И вот теперь — пришёл.

На кухне царил полумрак.

Цзянь Шанвэнь слегка качнул аптечкой:

— У Фу травма. Я просто поменял ему повязку.

— У него есть врачи. Неужели ему так нужна твоя забота? — Лян Шэнь тихо рассмеялся. — Или тебе стало одиноко, и ты решил снова залезть в постель к своему бывшему покровителю?

В словах сквозила откровенная насмешка.

Но стоящий перед ним человек вовсе не выглядел униженным.

Напротив.

Глаза Цзянь Шанвэня изогнулись в мягкой улыбке. Он медленно поднял взгляд, и его глаза в тусклом свете казались особенно яркими.

Затем он поднял тонкую белую руку и естественно, почти лениво, обвил ею шею Лян Шэня.

Слишком интимный жест.

Слишком привычный.

И сделал он это с такой лёгкостью, будто давно привык касаться его именно так.

Из-за близости снова потянуло тем лёгким цветочным ароматом, которым обладал только Цзянь Шанвэнь.

Лян Шэнь на мгновение застыл.

Он даже не сразу оттолкнул его.

Потому что Цзянь Шанвэнь уже очень... очень давно не обнимал его.

Но Лян Шэнь до сих пор ясно помнил их последний раз.

Тогда он просто случайно принёс домой сценарий дешёвой драмы — в компании никак не могли найти подходящего актёра на второстепенную роль. Вспомнив о человеке, который постоянно твердил, что хочет сниматься, Лян Шэнь небрежно бросил сценарий Цзянь Шанвэню. Всё равно роль была совершенно незначительной.

Но он никак не ожидал, что человек, поймавший брошенный ему сценарий, будет так счастлив.

Лян Шэнь никогда прежде не видел Цзянь Шанвэня таким.

Его взгляд вдруг наполнился светом.

Он вскочил на ноги и впервые сам обнял его. Всё пространство между ними мгновенно пропиталось его мягким ароматом, а тихий голос у самого уха прозвучал почти невесомо:

«Лян Шэнь... спасибо тебе.»

Тогда Лян Шэнь действительно растерялся.

Позже он дарил Цзянь Шанвэню множество дорогих вещей: одежду на заказ, украшения, всё самое лучшее. Любая из этих вещей стоила в сотни раз больше того жалкого сценария.

Но Цзянь Шанвэнь больше никогда не улыбался ему так.

И больше никогда сам его не обнимал.

Будто ему это вообще было не нужно.

Всего лишь игрушка.

Так думал Лян Шэнь.

И всё же, когда это объятие повторилось снова, он против воли замер на несколько секунд.

А затем услышал у самого уха тихий голос Цзянь Шанвэня, лёгкий, с едва заметной улыбкой — словно перо скользнуло по сердцу:

— Я сходил к нему... и ты разозлился?

Лян Шэнь ненадолго замолчал.

Наконец он чуть ослабил хватку, позволяя стоящему перед ним человеку немного отстраниться. За линзами золотой оправы его глаза опасно сузились — он уже собирался что-то сказать.

Но вдруг, за полуоткрытой дверью кухни послышались шаги.

А в следующую секунду дверь, в которую в этот поздний час никто не должен был войти, со скрипом распахнулась.

На пороге стоял высокий мужчина с холодным, жёстким лицом.

Взгляд Фу Цзиньчэна мгновенно потемнел, а лицо стало таким мрачным, будто он только что

застал сцену измены.

Его низкий голос прозвучал глухо и опасно, словно перед бурей:

— Позвольте-ка узнать... что здесь происходит?

<http://bllate.org/book/17232/1634078>